

«О совместимости анархизма и либерализма».

Исследовательская работа

Направление «Философия»

Комяков Георгий Дмитриевич

Ученик 10А класса

МАОУ гимназии №24 им. М.В. Октябрьской г. Томска

2024г.

Введение

- **Исследовательская мотивация** состоит в улучшении анархической теории. Анархизм для меня внутренне ценен. Именно с него я начал знакомство с политической философией. Однако у анархизма есть множество трудностей, которые необходимо решить. Во-первых, большинство теоретиков современного анархизма далеки от аналитической философии. Они апеллируют к чувствам или интуиции. Конечно, подобных авторов интересно читать, но они не аргументируют свою позицию (ярким примером является Хаким Бей). Здесь я не критикую континентальную философию как таковую, но стараюсь привлечь внимание к той диспропорции, которая имеется в анархической теории. Во-вторых, у анархизма есть теоретические проблемы, подрывающие его интуитивность. В-третьих, мне импонирует либерализм в духе Ролза, поэтому мне хотелось вписать анархизм в либеральный проект, тем самым обогатить и придать анархизму аргументативную форму.

- **Указание объекта:** анархическая теория

- **Цель:** Обосновать возможность вхождения анархизма в ряды либеральных теорий.

- **Задачи исследования:**

1. Описать наиболее важные проблемы анархизма.
2. Составить список нормативных требований к анархической теории.
3. Показать тесную связь между анархизмом и либерализмом.
5. Ответить на потенциальную критику.
4. Подвести итоги исследования.

- **Постановка ключевого вопроса исследования:** Возможна ли трактовка анархизма как одного из способов реализации либеральных принципов, его редукция к одному из либеральных проектов?

Основная часть

Анархизм разнообразен и противоречив. Это мировоззрение было теоретически закалено в спорах и диспутах с марксистами и либералами. Политически же, оно было «оформлено» в сразу нескольких точках земного шара (например «Махновщина» в России и Анархическое движение в Испании), также некоторые практики анархизма применялись, в большей или меньшей степени, до его трансформации в полноценную теорию. Некоторым анархическим требованиям соответствуют: общественная структура у индейцев тупи-гуарани и каруба, уклад жизни в религиозных сектах духоборов и бегунов. Некоторые люди и сейчас мыслят по-анархистски, ничего не зная ни о Прудоне, ни о Бакунине. Им этого просто не нужно. В повседневной жизни любая теория играет относительно небольшую роль. Здесь можно вспомнить Дэниела Деннета с его идеей «блуждающей рациональности», некоторого умения без его понимания и осознания. Так что для анархизма ещё не всё потеряно, у него есть потенциал и как, с некоторыми оговорками, дескриптивной теории, и как у способа социальной организации.

Казалось бы, что может быть общего у либерализма и анархизма? В пользу этого говорит, например, отношение П.Ж. Прудона к институту частной собственности - а ведь право на частную собственность защищается многими либералами. Прудон пишет: «Если бы мне надо было ответить на вопрос: *«Что такое рабство?»* – я ответил бы: *«Это убийство»*, и мысль моя была бы сразу же понятна. Мне не было бы нужды в длинных рассуждениях, чтобы показать, что право отнять у человека его мысль, волю, его личность есть право над его жизнью и смертью и сделать человека рабом – значит убить его. Почему же на другой вопрос: *«Что такое собственность?»* – я не мог бы ответить просто, не боясь быть непонятым: *«Это кража»*, – тем более что это второе предложение является лишь перефразированным первым».¹

Эти слова заставляют задуматься о совместимости двух течений человеческой мысли и очертить круг методологических проблем, связанных с их скрещиванием. В данной работе я постараюсь защитить два тезиса, для простоты назовём их «слабый» и «сильный». Здесь я употребляю слова «сильный» и «слабый» в качестве синонимов слов труднодоказуемый и

¹ См. П.Ж. Прудон «Что такое собственность?».

очевидный соответственно. Слабый тезис звучит так: анархическая теория (классическая триада взглядов Прудон-Бакунин-Кропоткин и некоторые другие модификации классического анархизма) нуждается в глубокой рефлексии и пересмотре многих своих положений. Не столько в доработке, сколько в отбрасывании всего устаревшего, того, что не соответствует современным научным данным и философским концепциям. Это, в общем-то, уже трюизм. Практически все современные теоретики анархизма с этим согласны. Однако я уделю этому вопросу достаточно времени, дабы конкретизировать претензии и объяснить свой скепсис по отношению к классическому анархизму. Моя аргументация будет немного эклектичной, за что прошу меня простить. Также я вкратце обсужу несколько идей учёных и публицистов, симпатизирующих анархизму или напрямую отождествляющих себя с его сторонниками. Я попробую найти тот набор ценностей и методов, которые помогут защитить мой второй, «сильный» тезис: Здравый анархизм может быть совмещён с политическим либерализмом, являясь, по сути, одной из его разновидностей. Этот тезис звучит интереснее, хотя это и не должно вызывать удивления. Ведь я специально отрину те принципы, которые мешают этому синтезу.

Если формулировать тезисы в более краткой форме то:

- 1. Классический анархизм устарел. Ему не хватает философской глубины и научной проницательности.**
- 2. Новый, «методологический» или «здравый» анархизм может быть редуцирован до одного из видов политического либерализма.**

Является ли моя трактовка анархизма анархизмом? Могу ли я называть себя анархистом? Остаётся ли в моём, по-существу, либеральном проекте место анархизму, или я сохранил только его пафос? В конечном счёте, выбор остаётся за читателем, но я тоже постараюсь ответить на эти вопросы в своём небольшом исследовании.

Критика анархизма

Неопределённость/Государство/Право на аборт

Пришло время описать свои основные претензии к анархической теории (эти доводы актуальны и для постклассического анархизма):

Концептуальная непрояснённость термина «свобода» у анархистов указывает на пробелы в теории, которые необходимо восполнить. Некоторые либертарные мыслители пытались прояснить это слово в их дискурсе. Первые попытки такой теоретической работы были излишне театрализованы и литературны, уходя от прямого и развёрнутого определения. Например, Бакунин пишет: «Свобода неделима: нельзя отсечь её часть, не убив целиком». Такого апофатического определения явно недостаточно. Также он пишет: «Свобода без социализма – это привилегия и несправедливость, социализм без свободы – есть рабство и скотство». Эта цитата тоже не даёт крепких оснований для определения свободы. Часто анархисты вообще не определяют свободу, просто употребляя это слово в качестве самоочевидного (это можно заметить в работах Кропоткина и в «Единственном» Макса Штирнера). В общем, Бакунинские квазиопределения не дают ответ о значении термина «свобода» в анархическом понимании, а неосознанно уходят от него. Я считаю, что это одна из самых серьёзных проблем, так как она создаёт непроходимые «терминологические джунгли», это впоследствии выливается в бездумное переписывание анархических догм и пустое жонглирование терминами, что, как правило, не добавляет понимания. Большинство теоретических работ на поприще анархизма из-за этого представляют собой многостраничные пересказы лозунгов и других громких слов их предшественников. Этот застой в анархической теории перекочевал в анемию на практике. Стоит лишь идеологическим оппонентам анархизма попросить прояснить термины «свобода», «безвластие» и «господство», а также очевидные противоречия между ними, как сторонник общества без иерархии теряется и не может ответить ничего вразумительного, что тоже компрометирует анархизм в глазах потенциальных сторонников. Пожалуй, стоит отметить статью А. Бертоло «Власть, Авторитет, Господство...», где он предлагает своё решение этой проблемы с дефинициями.

По поводу власти

Всем известно, что анархисты также нелестно отзываются и критикуют подчинение и власть как таковую. Хотя непонятно, как они способны её искоренить. Зачастую они говорят о «глубинной» доброте человека и о его природной способности к мирному урегулированию конфликтов. В этом вопросе сошлись такие разные анархисты как П. Рябов и В. Дамье (первый симпатизирует экзистенциализму и примитивизму, а второй является анархо-синдикалистом) большинство анархистов с ними согласятся. На резонное

возражение по поводу несостоятельности этого тезиса из-за огромного количества контрпримеров и демонстрации человеческой жестокости, они ответят, что социальные институты, а, в частности, капиталистические отношения не позволяют действовать добродетельно. Однако я с этим не согласен, ведь ещё на ранних стадиях человеческого развития существовали конфликты и внутривидовые стычки, когда о современных институтах и капитализме не шло и речи. Мы также не можем говорить о полной порочности человеческого вида. Ведь каждый из нас наблюдал чудеса людской кооперации и взаимоуважения. Поэтому промежуточная позиция кажется мне наиболее убедительной и адекватной. Но и такую компромиссную позицию нужно подкрепить фактами и аргументами. Природа человека – это обширная тема для многочисленных дискуссий. Здесь я ограничить лишь небольшим описанием содержания работ, которые стараются наметить путь к успешному (с моей точки зрения) решению этой проблемы. В первую очередь, хочется интеракции философствующих анархистов с новыми научными теориями и эмпирическими данными. Работа приматолога Ричарда Ренгема «Парадокс добродетели (...)» может пролить свет на интересующие нас вопросы. В своей книге он демонстрирует, что и Руссо с его «благородным дикарём», и Гоббс с «войной всех против всех» во многом были правы и не правы одновременно. Он пишет: «Трудно отрицать, что жестокость – неотъемлемое свойство человеческих сообществ, и эволюционные теории, объясняющие её происхождение, вполне убедительны. Но как примирить наши «одомашненные» черты с той невероятной жестокостью, на которую способен человек?» Ренгем вводит для этого следующий инструментарий. Он делит агрессию на два типа: **реактивную** и **проактивную**. Реактивная агрессия – это ответное насильственное действие, подразумевающее боязнь уступить/потерять первенство в какой-либо сфере. Ренгем называет такую агрессию «битвой характеров», горячей и оборонительной по своей природе. Проактивная агрессия является её противоположностью. Это «умышленное нападение, целью которого является внешняя или внутренняя награда, а не желание устранить источник страха или угрозу». На основе огромного количества эмпирического материала, автор заключает, что реактивная агрессия не свойственна большинству представителей вида *Homo Sapiens*, в отличие от проактивной агрессии, происходящей, к сожалению, гораздо чаще. Чтобы показать причины такого относительного миролюбия человека, Ренгем описывает процесс одомашнивания других животных. Он приходит к выводу, что нечто подобное происходило и с человеком. Что же дает нам это исследование с практической и теоретической точек зрения? Во-первых, менее утопичный взгляд на человека позволяет очертить круг потенциальных возможностей и перспектив улучшения внутривидовой коммуникации. Теперь, простая апелляция к необходимости налаживания горизонтальных связей и ликвидации иерархических институтов не срывает, ведь мы далеко не ангелы. Во-вторых, несмотря на отказ от догмы «благородного дикаря», выводы Ренгема не пессимистичны. Ведь человек «одомашнился», и

этот процесс продолжается. Человеческий вид стал менее агрессивным, как минимум, количество случаев реактивной агрессии уменьшилось. Сам Ричард Ренгем, подводя итог, тонко подмечает: «Миссия человечества – не в укреплении кооперации: эта задача относительно проста и глубоко встроена в нашу мораль и психику. Гораздо более трудная задача – это снижение нашей склонности к организованному насилию»². В общем, в природе человека есть множество тенденций. Одни из которых мы можем поддерживать, стимулируя их развитие, другие же мы вправе осуждать и предавать анафеме.

Хотелось бы упомянуть те сферы науки, где анархистам удалось преуспеть, создав методологический каркас для критики государства и господства. Наибольшего успеха в апологии безвластия достигли историки и антропологи. Именно на этих поприщах учёные-анархисты внесли наибольший вклад в современную науку. Можно долго анализировать, почему методологический анархизм так популярен у антропологов и историков, но я выделю наиболее важную с моей точки зрения причину, а именно - **история государственных обществ относительно невелика**. На протяжении **95%** истории человечества люди жили в небольших и довольно эгалитарных сообществах. А первые свидетельства существования оседлых сообществ относят к 10 веку до н.э.. Также интересно и то, что быт некоторых племён представляет альтернативу государственному развитию. По этому поводу написано немало работ, я бы порекомендовал небольшую статью Пьера Кластра «Общество против государства»³.

Государство

Теперь можно обсудить институт государства. Вопрос о нём напрямую связан с первой главой моих критических замечаний, а именно с фактором концептуальной непрояснённости некоторых фундаментальных положений в анархической теории. Государство – один из главных врагов анархистов, тем более непонятен факт отсутствия чёткого определения этого социального института. Почему, например, Вольная территория Нестора Махно или Региональный совет по обороне Арагона не являются государствами? Ведь там присутствовало принуждение и санкции по отношению к отдельным

²См. Ричард Рэнгем «Парадокс добродетели»

³ Более подробное сравнение быта у догосударственных и государственных сообществ описано в книге Джеймса Скота «Против зерна. Глубинная история древнейших государств».

членам общества, нарушавшим определённые социальные нормы, а это уже говорит о наличии аппарата принуждения и его активном применении на практике. Существование подобного социального регулирования – это явный признак государства. В анархических проектах общество также поощряет и наказывает индивидов, само санкционированное принуждение остаётся нетронутым, изменяется лишь его форма. М. Вебер пишет: **«Государство есть то человеческое сообщество, которое (...) претендует (с успехом) на монополию легитимного физического насилия»**⁴. Ясно, что если отстаивать подобную концепцию государства, то анархические общества тоже являются государствами. По всей видимости, можно существенно понизить масштабность внедрения санкций, но полностью исключить их не удастся (как минимум, в ближайшем будущем). Конечно, анархисты могут предоставить своё определение государства, например: **Государство – это такая система политических институтов, где в явном виде присутствует бюрократический аппарат**. Здесь позиция анархистов выглядит более выигрышно, но подобная дефиниция совершенно контринтуитивна. Она не согласуется с представлением большинства людей (с их языковыми интуициями) и неоднозначна с исторической точки зрения. Огромное количество левых публицистов называли монополию на насилие основным признаком государства (чаще всего здесь упоминают Макса Вебера – непосредственно автора этой концепции). Сама бюрократия является скорее следствием усиления и укрепления государства, но не присуща ему с необходимостью. Для прояснения моей позиции приведу пример: если мы берём «бюрократическое» определение государства, то под него не попадает множество общественных образований, обычно считающихся таковыми (например: пиратские республики, греческие полисы или древние города в Месопотамии и многие «околодемократические» системы в древности и средневековье). В общем, попытки анархистов отделить себя от других политических лагерей, называя свои практики «контрвластью»⁵, кажутся мне избыточным самовосхвалением. Анархисты, по крайней мере пока что, не могут создать альтернативной платформы в противовес минимальному государству (или социальному государству). Эти два проекта (минимальное/социальное государство) являются по-существу либеральными. Как следствие этого, идея о минимальном воздействии на сферу личного также является таковой.

Марта Нуссбаум в своей книге «Политические эмоции. Почему любовь важна для справедливости» (к этой книге я вернусь чуть позже), описывая особенности политического либерализма, пишет: «Политический либерализм требует, чтобы общественная культура была одновременно узкой и

⁴ См. М. Вебер «Политика как призвание и профессия».

⁵ См. мини-лекцию В. Дамье «Что такое анархизм?»

скромной: узкой – в том смысле что она касается не каждого отдельно взятого аспекта человеческой жизни, а только более всего к политике (включая однако социальные и экономические права); скромной в том смысле, что она не берёт на себя никаких обязательств по спорным метафизическим вопросам, например о вечной жизни или природе души».

Конечно, государство – это опасный инструмент, который может погубить много жизней и стать причиной вопиющей несправедливости, но это всё-таки инструмент. Ведь мы не считаем пистолет моральным агентом и не предсказываем ему моральные свойства, когда с его помощью убивают человека. Мы осуждаем и наказываем того человека, чей палец находится на спусковом крючке. Чтобы понять, что государство может помогать и улучшать положение людей, достаточно вспомнить, что в 1975 году национальная гвардия США защищала чернокожих детей от расистов. Также государство иногда способствует созданию культурных объектов, которые нельзя обвинить в помпезности или создании национального мифа. В качестве примера можно взять Миллениум парк в тех же Соединённых Штатах.

Людям стоит воспитывать себе критический дух по отношению к государству, они должны быть способны защитить свои права и свободы от поползновений агрессивного правительства. Важно понимать, что демократическому государству ничего не мешает стимулировать вышеперечисленные человеческие интенции, оно также может стремиться к политической справедливости. Любое государство, так или иначе, влияет на людей, его основными признаками является власть, подавление автономии личности, право управлять. Если мы считаем, что для морально ответственного индивида необходима автономия, то есть возможность неподчинения и отказ быть управляемым, то мы не должны придавать приказаниям государства обязательную моральную силу, также у нас нет объективных причин ощущать близость к законам страны, в которой мы родились и проживаем (если конечно эти законы не являются гуманными и рационально, прагматически обоснованными). Подчинение такого рода – это всего лишь наши сентиментальные привычки⁶. В этой статье автор пытается дать анархизму философское обоснование с помощью кантианской моральной философии. На мой взгляд, Вольф недостаточно прояснил феномен моральной ответственности, но даже при этом статья на голову выше большинства анархических работ, критикующих государство. Такая «кантианская» критика государства имеет большой потенциал и кажется мне

⁶ Подробнее на эту тему см. Р.П. Вольф «Конфликт между властью и автономией».

релевантной, так как она не претендует на ликвидацию государства как социального института, что довольно утопично, но предполагает ряд нормативных требований к человеку как гражданину.

Проблема аборт

Некоторые могут сказать, что проблема аборт, как и другие проблемы биоэтики, есть нечто «внешнее» по отношению к анархической теории, мол, для построения «каркаса» эту трудность можно отложить в долгий ящик до лучших времён. Я думаю, что в этом есть доля истины. Ведь если мы углубимся в историю анархического движения, то основные авторы-анархисты обходят этот вопрос стороной, уделяя больше внимания экономике или форме принятия решений при коммунарном устройстве общества (по крайней мере, я не видел памфлетов и работ, ставших классическими, которые были посвящены этой теме). Поэтому очевидно, что проблема аборт не с необходимостью присуща анархическому дискурсу. Но с активным внедрением феминизма в левое пространство эта проблема стала актуальна как никогда. Я действительно считаю, что в этой статье можно было упустить этот вопрос, не раскалывая лишний раз итак не однородное движение, но меня пугает удивительный консенсус по данному вопросу. Я бы разделил анархистов на два лагеря: первые настаивают на праве на аборт, обосновывая это борьбой за права женщин, вторые не упоминают об этом вообще. Поразительно, но я ни разу не встречал анархистов, которые считают аборт аморальным. Именно поэтому проблема заслуживает упоминания. Лично я выступаю против аборт (не считая случаев угрозы жизни при родах, что является особым кейсом) – это моё моральное убеждение, но я признаю этот вопрос сложным и многослойным. Поэтому здесь я возьму на себя более лёгкую ношу и постараюсь показать, что все намного сложнее, чем думают анархисты.

Проблема кроется в том, что анархисты, которые защищают право на аборт, не пытаются рационализировать свои взгляды, в общем, у них попросту нет аргументов, либо они не являются валидными. Чтобы не быть голословным, я позволю себе процитировать достаточно большой отрывок из книги Марии Рахманиновой «Власть и тело», где автор пытается аргументировать свою позицию в защиту аборт, ограничиваясь лишь её односторонним анализом:

«Само же метафизическое детское тело тотально сакрализуется в политической и идеологически обусловленной бытовой риториках, что, однако, не влечёт за собой никаких реальных улучшений в положении детей в обществе. Декларация превосходства ценности жизни ребёнка над жизнью взрослого, масштабное наступление на репродуктивные права женщин под предлогом борьбы с «детоубийством», консервативная демографическая политика — всё это, с одной стороны, формирует своеобразный идеологический ландшафт и определяет ценности общества, но, с другой, никак не ведёт к повышению качества жизни детей.

Аналогичным образом фигура ребёнка служит тотальной «отсроченной абстракцией» и при социальном регулировании бытия женщин: смысл жизни конкретной женщины как бы отчуждается в будущее, служению которому она должна посвятить своё настоящее, отказавшись от каких бы то ни было смыслов в нём самом. Метафизический концепт ребёнка — это своего рода механизм «отложенного смысла», позволяющий не терзаться смысловым вакуумом в настоящем и видеть его оправданность перед лицом будущего, из которого можно черпать силы для повседневного отчуждения в этот концепт»⁷.

Исходя из цитаты, нетрудно понять позицию автора, но сложно вычленить аргументы. Из первого абзаца можно извлечь (по существу) только один довод. **Признание аборта аморальным с необходимостью не влечёт улучшений социального положения ребёнка в обществе.** Этот аргумент всегда казался мне тривиальным. Ведь социальное положение детей и метафизический статус эмбриона лежат в разных плоскостях. Это моральная, а не социальная проблема. Она абстрактна по своей природе. Видимо, по мнению М. Рахманиновой, приносить извинения за свои поступки ни к чему, ведь реального положения дел уже не изменить. Также интерес вызывает решение автором социальных проблем. Если положение детей в обществе не улучшается, то можно позволить убивать детей. Зачем пытаться повисить их качество жизни? Ведь у детей не будет проблем, если не будет и самих детей (очень гуманно...). Вторая часть этой цитаты не менее дискуссионна. Тут автор сетует на то, что «фигура ребёнка служит тотальной «отсроченной абстракцией». Мне совершенно не понятно, почему Рахманинова употребляет слово «абстракция» по отношению к плоду ребёнка, который является физическим объектом. Его можно увидеть на УЗИ уже на третьей недели беременности. Чтобы понять, что такой сомнительный анализ можно применить к чему угодно, я предлагаю провести небольшой эксперимент и вместо словосочетания «фигура ребёнка» подставить в отрывок слова: «анархизм», «самоорганизация», «равенство» (по сути дела можно подставить любую универсалию политического характера). Сам факт возможности такой перестановки даёт нам понять, что Рахманинова не смогла привести конкретного аргумента в защиту своей позиции, а попросту льёт воду, чему способствует «континентальный» слог автора

⁷ См. Мария Рахманинова «Власть и тело».

(приверженность континентальной философии). Так что во втором абзаце она допускает категориальную ошибку и перформативное противоречие (анархические взгляды автора сами уязвимы для такой псевдокритики), что не позволяет мне согласиться с ней.

Здесь я вынужден оставить проблему абортов, так как задачей было лишь указать на её актуальность и неоднозначность. Ядро этой проблемы – **метафизический статус эмбриона**, который заслуживает отдельной статьи или книги.

Позитивная программа

Теперь, после защиты первого (слабого) тезиса, можно остановиться на позитивной программе, некоем Ролзовском пересекающемся консенсусе, которому надлежит объединить большинство ценностей и интуиций, разделяемых анархистами, и которые могут быть развиты, по моему мнению, в контексте современной политической философии.

1. Критическое отношение к государству и полностью свободному рынку.

Некоторые могут отметить, что либертарианцев не удовлетворит этот пункт. Поэтому нужно уточнить, что я не считаю либертарианцев анархистами. Моё допущение основывается на простом факте: большинство анархистов не считают либертарианцев анархистами, и большинство либертарианцев не считает себя анархистами. В данном вопросе наблюдается консенсус. Так что либертарианство – это автономное политическое движение.

Вернёмся к самому пункту. Критическое отношение к государству не должно подменяться его ярким отрицанием, откровенной ненавистью к нему. Рациональные доводы должны превалировать над эмоциональной окрашенностью, но не стоит совсем исключать эмоции из анархического проекта. Эмоции помогают в консолидации общества, они способствуют взаимопониманию. Полный же отказ от эмоций кажется мне не только прагматически неверным, но и не реализуемым в принципе, так как они присущи людям с необходимостью. Здесь мы приходим ко второму пункту.

2. Стимулирование некоторых видов публичных эмоций (любовь, сострадание, чувство праведной несправедливости и т.д.).

Такие эмоции могут способствовать развитию справедливого общества и очертить круг общих ценностей, которые разделяют все (или, по крайней мере, большинство) члены общества. Эти эмоции должны быть чувствительны к разным культурам и традициям в обществе и, соответственно:

3. Спектру анархических учений и практик надлежит быть разнообразным и культурно релятивным (однако эти практики должны соответствовать условиям 1-7, изложенным в этой главе, чтобы сохранить свою «анархичность»).

Ведь анархизм в крупном городском центре не будет идентичен либертарным практикам в сельской неурбанизированной местности (сравните, например, городской и литературный «анархо-мистицизм» с анархизмом в Гуляйпольском районе).

4. Методологический индивидуализм.

Методологический индивидуализм ярко прослеживается в истории и теории анархического движения. Конечно, на политическом и нормативном уровнях анархисты часто упоминают о коммунах и нациях, в общем, о различных надындивидуальных структурах, однако они не вводят их в свою социальную онтологию, для анархистов они не имеют особого онтологического статуса. Этот факт не несёт никаких нормативных следствий, но сам тезис является важным в описании и исследовании общества. Вот, например, что пишет Алексей Боровой: «Наконец в этом исследовании антиномий, разделяющих общество и личность, должно найти себе место указание частью методологического характера, но сохраняющее чрезвычайную важность для индивидуалистического мирозерцания – указание на отсутствие подлинной реальности у общества как такового»⁸. Таким образом, общество для анархистов – это совокупность индивидов.

5. Создание метафизически нейтрального пространства.

Анархическое общество и публичная культура при нём не должны возлагать на себя ответы на спорные вопросы в области метафизики (Есть ли у людей квалиа? Свобода воли? Существует ли Бог и так далее). Это не значит, что они не могут проводить дискуссии по поводу этих тем, но они не должны применять физическое насилие к человеку, который отвечает на эти вопросы по-другому.

⁸ См. Алексей Боровой «Анархизм»

6. Обеспокоенность проблемой социальной справедливости.

Сцепка анархизма с этикой крайне важна для большинства анархистов. Многие, заостряя внимание на этом, видят здесь различие между марксистами и анархистами. Например, Дэвид Гребер, подводя итог, пишет: «Таким образом, марксизм стремился быть теоретическим или аналитическим дискурсом о революционной стратегии. Анархизм же стремится быть этическим дискурсом о революционной практике»⁹. Я не буду защищать этот тезис или опровергать его (так как для этого требуется немало времени). Но самого факта наличия подобных тезисов достаточно для осознания особой привязанности анархистов к моральной философии. По Марксу (по крайней мере «позднему» Марксу), объективных и устойчивых моральных фактов не существует. Этика лишь уподобляется определенному экономическому базису, следовательно, мораль является всего лишь надстройкой. Анархисты же часто апеллируют к справедливости. Именно поэтому им необходима моральная философия и теория справедливости в частности:

7. Анархисты должны настаивать на федерализации/децентрализации и демократизации политических институтов.

Львиную долю своих теоретических изысканий анархисты посвятили процедурам, способствующим демократизации. Система делегатов – это самый известный способ для поддержания демократизма, который они выработали. Есть ещё много подобных систем и процедур, но самое главное – это акцент на демократизм и федерализм.

Здесь я изложил программу-минимум, которая может послужить линией демаркации между анархистами и не-анархистами. Конечно, некоторые люди, которые считают себя анархистами, не попали в описанное множество, но это было сделано намерено (исходя из первой части исследования, где я изложил проблемы анархизма и попытался их устранить). Также важно отметить, что я не стал упорядочивать нормативные требования, поэтому может возникнуть **проблема приоритета**. Главной моей задачей было озвучить тезисы, их упорядочивание – это уже другая задача. Единственное требование к добавлению новых тезисов заключается в том, чтобы они прямо не противоречили вышеизложенному.

⁹ См. Дэвид Гребер «Анархизм, академия и авангард».

Политический либерализм и анархизм

Теперь, после перечисления ряда требований, можно с уверенностью сказать, что они вполне согласуются с идеалами политического либерализма. Эти идеи и либеральные интенции настолько похожи, что анархизм можно рассматривать как особую ветвь либеральной доктрины. Для разъяснения этого потребуется небольшой экскурс в теорию политического либерализма. Следует различать «институциональный» и «политический» (философский) либерализм. Институциональный либерализм представлен посредством конкуренции, свободного рынка, капиталистической системы и прочих социальных институтов. Ядро же политического либерализма состоит из основополагающих принципов и моральных установок, которые реализуются (более или менее успешно) определёнными социальными институтами. Здесь я редуцирую анархизм к определённому типу политического либерализма, следовательно, устройство институтов и другие чисто инструментальные вещи роли не играют (главное – это реализация принципов). Вышесказанное значительно упрощает работу, так как мне не придётся брать в расчёт то, совместим ли весь спектр анархических учений (которые соответствуют критериям 1-7) традиционным рыночным институтам. Нужно только согласовать семь требований с либеральными принципами.

Пожалуй, главной особенностью либерализма является **определённая концепция равенства**, которая заключается в том, что «политические решения не должны зависеть – или должны зависеть как можно меньше – от конкретных представлений о достойной жизни и о том, что приносит ей ценность»¹⁰. Эта концепция равенства, сформулированная Рональдом Дворкиным, схожа (если не полностью идентична) с пятым тезисом о создании метафизически нейтрального пространства. Также нельзя не отметить, что известная цитата анархиста М. Бакунина, ставшая лозунгом для многих либералов: «Свобода одного человека заканчивается там где начинается свобода другого», при должной интерпретации соответствует первому принципу справедливости Джона Ролза, а именно: «Каждый индивид должен обладать равным правом в отношении наиболее общей системы равных основных свобод, совместимой с подобными системами свобод для всех остальных людей». Это конечно не доказывает прямо заявленного выше, но наводит на мысли о соответствии этих двух доктрин между собой. Отсутствие частной собственности в анархических обществах

¹⁰ См. Р. Дворкин. Статья «Либерализм»

также не является проблемой. Джон Ролз пишет: «В качестве политической концепции справедливость как честность, следовательно, не включает никаких естественных прав частной собственности на средства производства (но включает право личной собственности как необходимое условие независимости и целостности граждан), ни естественного права на управляемые предприятия, или же предприятия, находящиеся в народной собственности»¹¹.

Читатель может подумать о том, что существенное отличие между либералами и анархистами заключается в применении насилия со стороны последних. Но этот критерий не выдерживает никакой критики. Во-первых, терроризм не относится к фундаментальным принципам, а скорее к способу осуществления оных. Во-вторых, среди анархистов и либералов, сторонники терроризма были всегда в подавляющем меньшинстве, а сами террористические акты подвергались критике¹². Упразднение частной собственности также выносятся за скобки, поскольку нам важны принципы, а не институты, которые их реализуют. Теперь можно резюмировать, что анархизм не только не противоречит либеральному проекту, но и согласуется с ним.

Генеалогия идеи и ответы на гипотетическую критику

Сам концепт либерального анархизма чем-то напоминает проект **аналитического марксизма**. В связи с этим критика, адресованная аналитическим марксистам, может потенциально задеть и меня. Основная претензия звучит так: Аналитические марксисты вторят политическим либералам, в них нет ничего самобытного, так как они отринули диалектический метод и приняли «буржуазный» экономический инструментарий. Короче говоря, их нельзя отличить от политических либералов. Проблема тут в том, что мой проект изначально задумывался для того, чтобы создать такой анархизм, под который можно было бы подвести основные либеральные принципы, поэтому данная критика нерелевантна. Но можно сформулировать претензию иначе: Чем либеральный анархизм внутренне отличается от других либеральных проектов». Здесь есть где

¹¹ См. Джон Ролз «Теория справедливости»/Предисловие к русскому изданию.

¹² См. статью А. Бертоло: «Эмиль Анри и чувство меры» или знаменитое письмо Прудона к Марксу, где Прудон пишет: «...Я предпочитаю сжечь институт собственности на медленном огне, чем придавать ему новую силу, устроив Варфоломеевскую ночь для собственников».

разгуляться - можно выделить три вида ответа: **исторический, эмоциональный и институциональный**. Разберём их по очереди. Во-первых, анархизм формировался отдельно от либерализма. Его история, генезис идеи, люди, создавшие концепт анархизма, формировались по-своему. Например, исторически анархизм поддерживало крестьянство и городская беднота, либерализм же пользовался популярностью у представителей среднего класса. Во-вторых, кластер эмоций, который присущ анархисту, отличается от либерального эмоционального спектра. Анархисту свойственна революционная романтика и более пылкий нрав, а также специфический самоуправленческий пафос и эмоциональная окрашенность. В-третьих, анархист всегда выступает против частной собственности на средства производства (но не против права владения) и, следовательно, не приемлет любые социальные институты, которые её поддерживают, считая их несправедливыми.

Также мне близок проект Марты Нуссбаум, изложенный в книге «Политические эмоции. Почему любовь важна для справедливости». Нетрудно догадаться, что там она обсуждает те эмоции, которые могут способствовать (или наоборот мешать) обществу, стремящемуся к справедливости. Я считаю, что сцепка анархизма с либерализмом поможет последнему в сплочении и консолидации общества, а также эмоционально обогатит его. Ведь анархизм обладает яркой историей, которая поспособствовала ему в накоплении уникальных для политической теории эмоций. Эта тема требует обстоятельного исследования, но пока что простого формулирования этой идеи будет достаточно.

Заключение

Сомневаюсь, что большинство анархистов согласились бы со мной. Они уже привыкли считать либералов заклятыми врагами, хотя по-существу так и не поняли их идей. Критикуя соломенное чучело, анархисты, бесспорно, выигрывают. Пора открыть глаза и узреть, что философы-либералы также с опаской относятся к государству, говорят о равенстве (в том же смысле, что и анархисты), свободе и справедливости. В общем, их принципы не противоречат анархизму.

О дальнейших перспективах

По ходу повествования я отмечал, что некоторые моменты следует раскрыть более подробно. В качестве примера можно привести анализ спектра «анархических» эмоций или обоснование выбора именно таких требований к анархизму. Все эти кейсы заслуживают внимания и дальнейшей проработки, но в силу характера моей статьи они не были разобраны. Так что осталось ещё много тем для обсуждения и, следовательно, перспективы разработки также присутствуют.

Список используемой литературы:

1. Daniel C. Dennett. From Bacteria to Bach and Back: The Evolution of Minds. // Издательство Penguin
2. П. Ж. Прудон. Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти. // Издательство URSS
Ричард Рэнгем. Парадокс добродетели. // Издательство Corpus
4. Джеймс Скот «Против зерна. Глубинная история древнейших государств». // Перевод с английского И. Троцук. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020
5. Р.П. Вольф «Конфликт между властью и автономией». // Только анархизм. Антология анархистских текстов после 1945 года // Издательство Гилея
6. Мария Рахманинова «Власть и тело». // Издательство Радикальная теория и практика
7. Алексей Боровой. Анархизм. // Издательство РИПОЛ Классик, 2022.
8. Дэвид Гребер «Анархизм, академия и авангард». [Электронный ресурс] // <https://akrateia.info>
9. Р. Дворкин. Статья «Либерализм» [Электронный ресурс] // <https://kant.narod.ru/dworkin.htm>
10. Джон Ролз. Теория справедливости. // Издательство URSS
11. А. Бертоло. Оставим пессимизм до лучших времен. Переосмысляя анархизм. // Издательство Чёрный квадрат
12. А.В. Шубин. Социализм. Золотой век теории. // Издательство Новое литературное обозрение, 2007
13. М. Нуссбаум. Политические эмоции. Почему любовь важна для справедливости. // Издательство Новое литературное обозрение
14. П. Кластер. Общество против государства. // Только анархизм. Антология анархистских текстов после 1945 года // Издательство Гилея
15. М. Вебер. Политика как призвание и профессия. // Издательство Гуманитарный центр

